

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА

Материалы
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ,

посвященных
135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ,
110-летию со дня рождения М.Г. Худякова

22 – 25 марта 2004 г.

ШКОЛА

Казань
2004

УДК 908
ББК 26.89(2Рос. Тат)
К 78

Оргкомитет краеведческих чтений:

Председатель:

Г.С. Муханов, кандидат филологических наук,
генеральный директор НМ РТ,
заслуженный работник культуры РТ.

Сопредседатель:

Г.Р. Назипова, кандидат исторических наук,
1-ый заместитель генерального директора
по научно-исследовательской работе.

Члены оргкомитета:

Т.К. Десяткова, ученый секретарь,

К.А. Руденко, кандидат исторических наук,
заведующий отделом археологии,

М.П. Новикова, заведующая отделом естественной истории.

Редакционная коллегия:

Г.С. Муханов, Г.Р. Назипова, Л.К. Гуцина, Л.Г. Алексеева

Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества ес-
К 78 **тествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова. - Казань:**
РИЦ "Школа", 2004. - 484 с.

В сборник вошли материалы краеведческих чтений, состоявшихся в Национальном музее Республики Татарстан с 22 по 25 марта 2004 г. и посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию со дня рождения Михаила Георгиевича Худякова (1894 – 1936), археолога, историка, этнографа и музейного деятеля.

М.Г. Худяков - историк Вятско-Камского края

М.В. Гришкина,
ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории,
языка и литературы УрО РАН, д.и.н., профессор,
г.Ижевск

М.Г. Худяков, по праву признанный в ряду выдающихся исследователей истории и культуры народов Приуралья и Поволжья, не считал себя историком, в анкетах, заполненных им, в графе «специальность» он писал «археолог». Действительно, в огромном творческом наследии ученого первое место занимают работы по археологии и этнографии. В значительной степени на археологическом, этнографическом и фольклорном материале базируются и те исследования, которые можно отнести к историческим. Даже статьи, посвященные Мултанскому делу, в большей мере используют воспоминания, дневниковые записи участников событий, полевые материалы, собранные во время экспедиционной поездки в Старый Мултан, нежели письменные источники в традиционном их понимании. Разнообразие использованных источников, дающих возможность рассмотреть поставленные вопросы с самых разных позиций, - таково было кредо ученого, которому он неукоснительно следовал на протяжении всей творческой деятельности. Работы, которые базировались лишь на письменных источниках, он сурово критиковал за ограниченность, односторонность, во многом справедливо полагая, что такой подход способен завести в тупик, особенно при изучении древнего периода истории.

Эпоха, в которую жил и творил этот выдающийся ученый, требовала энциклопедизма, да и сама историческая наука, будучи во многом синкретичной, еще не была отгорожена барьером от так называемых вспомогательных дисциплин, каковыми являлись этнография и археология. К тому же уровень разработки многих проблем истории и культуры многих народов Волго-Камья был таким, что их исследование было возможно лишь на основе многокомпонентного анализа и комплексного подхода. Именно к такому подходу М.Г. Худяков призывал своих коллег, возлагая при этом огромные надежды на представителей самих народов, владеющих языками и выросших непосредственно в лоне культуры своих предков. В предисловии к работе «Вотские родовые деления» он писал: «...до настоящего времени не имеется трудов, посвященных специально истории вотской народности. Путем к изучению истории вотяков... является

изучение обильных преданий об отдельных родах ... Изучение последних дает возможность проследить судьбы вотского народа, восходящие к далеким временам дорусской и добулгарской эпохи. Только тогда, когда за это дело возьмутся люди, вышедшие из среды самого вотского народа, хорошо знающие вотский язык, быт и жизнь, изучение прошлого вотской народности станет действительно на твердую почву, и будут невозможны ошибки прежних исследователей» (Худяков М.Г., 1920, с. 40). С просьбой о выявлении и сборе среди населения материалов, которые вскрывали бы прошлое и служили ключом для понимания современной истории удмуртского народа, ученый обратился от имени Института по изучению народов СССР АН СССР к учителям и другим работникам просвещения. Это обращение свидетельствует о том, каким широким фронтом намеревался действовать М.Г. Худяков, изучая прошлое народов, в частности удмуртов.

Значимость работ М.Г. Худякова для истории народов Вятско-Камского региона трудно переоценить. Полиэтническая среда с полифонией культуры, языков, музыкальных напевов окружала его от рождения, и не будет преувеличением сказать, что интерес к нерусским народам, к их истории и культуре формировался у будущего ученого с детства. Огромную роль в укреплении этого интереса сыграла Казань, где он уже в гимназические годы приобщился к большой науке под руководством замечательного педагога и ученого П.С. Пономарева. Будучи студентом историко-филологического факультета Казанского университета, он стал активным членом Общества археологии, истории и этнографии, одновременно принимая деятельное участие в работе Вятской ученой архивной комиссии.

На заседании Вятской ученой архивной комиссии 6 октября 1914 года Н.А. Спасский, фактически возглавлявший ее деятельность, доложил, что студент Казанского университета М.Г.Худяков выразил желание «поработать на пользу местной истории, прислал копии с документов и собственные работы с просьбой поместить их в «Трудах» ВУАК. В 1916 г. начинающий исследователь стал действительным членом комиссии. 28 декабря 1916 года Н.А. Спасский познакомил собравшихся с планами «нового многообещающего сотрудника комиссии». Наряду с историей и археологией, в намерения молодого ученого входили занятия генеалогией, так как, «на истории отдельных родов очень ярко отразились все наиболее типичные явления местной истории». В органической связи с историей экономической жизни края и развитием путей сообщения он стремился выявить на Вятке потомков бывших новгородских ушкуйников,

изучить генеалогию старинных купеческих родов. Увлекали его и биографии знаменитых вятчан, в первую очередь, известных художников В.М. Васнецова и И.И. Шишкина. (ТВУАК, 1917. Вып.1., с. 9-10).

Многое из этой программы было включено в план деятельности комиссии. В «Трудах» комиссии за 1915-1916 гг. была опубликована целая серия работ по истории Малмыжа и Малмыжского уезда. Прежде всего здесь следует отметить объемный и обстоятельный «Исторический очерк города Малмыжа».

По глубине анализа, по разнообразию привлеченных источников, которые подвергаются перекрестной проверке и критике, по широте хронологии и освещаемых проблем «Исторический очерк города Малмыжа» донныне не имеет аналогов в историографии городов Вятско-Камского региона.

В «Трудах» были напечатаны и другие студенческие штудии М.Г. Худякова, имеющие характер своеобразных приложений к истории Малмыжа и развивающие тезисы основной работы. К этой серии можно отнести «К истории поместного землевладения в Малмыжском уезде», «Предания о разбойниках в г. Малмыже», «Старожилы города Малмыжа», «Материалы по истории татар Малмыжского уезда», «Хронологические сведения о церквях города Малмыжа», «Проезд через Малмыж герцога Максимилиана Лейхтенбергского» и другие. Все это было написано студентом-второкурсником на протяжении одного-полутора лет. По своей сути это краеведческие сочинения, в которых нет притязаний на теоретические обобщения и задача которых значительно скромнее – выявить и выстроить в определенной системе факты.

Однако уже в этих ранних работах отчетливо ощущаются особенности творческого почерка Худякова - историка. Прежде всего, это предельное внимание к фактам и источникам, их содержащим. Наряду с официальными документами и подлинными историческими актами, неутомимым собирателем которых в местных и центральных архивах, в том числе и в архиве Министерства юстиции, он себя показал, молодой исследователь широко использует сохранившиеся воспоминания старожилов и очевидцев событий. Другой особенностью почерка формирующегося исследователя можно назвать знание мельчайших деталей топографии местности, особенностей топонимики топонимических преданий, которые уточнялись и выяснялись в многочасовых беседах с местными старожилами и знатоками. В контекст исследования, наряду с другими фактами, вводятся прозвища, фамилии, имена первых жителей Малмыжа и края. Все эти своеобразные источники служат для решения многих спор-

ных вопросов смены населения и хода русской колонизации края. Много внимания в этих работах уделяется нерусским народам, особенно марийцам и татарам, в то время как «удмуртский период» истории края почти не освещен. Характерной особенностью отмеченных работ является и внимание к историографии. Продолжая исследования своих предшественников, автор не только подводит итоги, но и ставит задачи для своих последователей, выявляя недостаточно изученные вопросы и даже указывая конкретные источники, которые предстоит еще разыскать.

Однако в 1918 г. комиссия прекратила существование, и обширные планы исследователя не были реализованы.

Завершение в 1918 году учебы в университете выпало на очень трудное время. Несмотря на обилие должностных и общественных нагрузок, невероятные трудности материального плана, М.Г. Худяков в эти годы подвижнически и очень плодотворно работал над научными исследованиями. В Малмыже он близко познакомился с выдающимся удмуртским поэтом и ученым К.П. Чайниковым (Кузебаем Гердом), заведовавшим удмуртским отделом Малмыжского уездного отдела народного образования. Знакомство переросло в тесное сотрудничество: Кузедан Герд стал членом созданного в 1918 г. по инициативе Худякова Малмыжского исторического общества.

Вероятно, не без влияния К. Герда ученый обратился к изучению воршудной системы у удмуртов. В Казанском университете на заседании Общества истории, археологии и этнографии М.Г. Худяков представил свой доклад на эту тему. Получив «весьма положительные» отзывы и рекомендацию к публикации, в 1920 г. он опубликовал текст доклада под названием «Вотские родовые деления» в «Известиях» общества. Работа базируется на великолепном знании работ Н.Г. Первухина, И.Н. Смирнова и П.М. Богаевского, Б.Г. Гаврилова, а также на новых материалах, выявленных К.П. Чайниковым (ученый дважды ссылается на К. Герда как на продолжателя научных традиций предшественников). Эта небольшая статья по-новому поставила вопросы расселения удмуртского этноса. М.Г. Худяков был убежден в существовании наряду с бассейнами Вятки и Чепцы еще одного древнего - Арского центра удмуртов. Автор предложил свою иерархию терминов, обозначающих в удмуртском языке понятия «род», «племя», и дал список из 70 воршудных или, как он считал, родовых имен. Эта небольшая статья стала во многом отправным моментом для дальнейшего углубленного изучения института удмуртского воршуда и воршудной системы, а также истории постепенного расселе-

ния отдельных воршудных групп в работах удмуртских этнографов и лингвистов (Атаманов М.Г., 1982, с.81-127, 2001, с. 3-215).

В этот период М.Г. Худяков создает целую серию работ, посвященных истории и культуре татарского народа и истории Казани, опубликованных в периодических изданиях. От небольших статей и работ, посвященных отдельным аспектам истории, он переходит к созданию широкой исторической панорамы региона. Этапной в плане преодоления имперских традиций русской историографии в отношении к татарскому народу и к другим народам Поволжья стала монография «Очерки по истории Казанского ханства». Эта чрезвычайно смелая по концепции работа, отличающаяся свойственной для ученого многоплановостью затронутых вопросов, еще не нашла достойной историографической оценки. В то же время многократное ее переиздание многотысячными тиражами свидетельствует о возрождении огромного интереса к ней и к наследию автора в целом у широкого круга читателей. Среди столь же серьезных исследований, охвативших обширный комплекс проблем социально-экономической и культурной истории края, – «Очерки по экономической истории Поволжья», в центре внимания которых история многих народов региона, в том числе и удмуртов (Хельсинки. Архив музейного ведомства Финляндии, ф. Тальгрена, д. 9, л.1-133).

Большое место в рукописном наследии Худякова – историка занимает «История вотского народа». Рукопись ее явно не завершена и хранится, наряду с другими, в Отделе рукописей Национальной библиотеки России в Санкт-Петербурге. В научный оборот рукопись еще не вводилась. Можно лишь упомянуть краткое сообщение о наличии данной работы и лапидарный анализ ее содержания в выступлении А.Г. Шкляева и Т.А. Красновой на Международном конгрессе историков финно-угроведов в Оулу в 1993 году (Шкляев А.Г., Краснова Т.А., 1996, с.621-622).

«История вотского народа» написана в обычных ученических тетрадях, листы которых пронумерованы позже. Это рабочий вариант с многочисленными поправками, зачеркнутыми фрагментами, дополнительными вставками, повторами, схемами. Главе первой предшествует текст, никак не озаглавленный, и только по последовательности страниц можно догадаться, что это предполагаемое введение, посвященное народам финно-угорской языковой семьи, их предыстории и расселению. Материал введения кое-где повторяет текст первой главы.

В целом текст работы и в хронологическом, и тематическом отношении шире предполагаемого первоначально плана и структуры. Повествование доводится до событий создания Вотской автономной области. Зак-

лючительный раздел посвящен культурному строительству, которое автор воспринимал с огромным энтузиазмом и надеждой на будущее возрождение удмуртского народа.

Рукопись не датирована, но по некоторым косвенным признакам ее можно отнести к казанскому периоду творчества ученого. Вряд ли он возвращался к ней после своего переезда в Ленинград и поступления в аспирантуру, когда область интересов М.Г. изменилась, хотя и не кардинально.

На этом труде лежит отчетливая печать очень популярных теорий, характерных для того времени. В частности, это касается чрезвычайно распространенной теории торгового капитализма, выдвинутой в 20-е годы XX в. академиком М. Н. Покровским. Под углом зрения этой теории М.Г. Худяков рассматривает всю историю удмуртов в средневековье и даже в древности. Удмуртские городища уже в ананьинскую эпоху для него являлись прежде всего местом концентрации драгоценной пушнины, а родоплеменная верхушка — агентом по торговле с иностранцами, получавшей предметы ввоза и распределявшей их среди окрестного населения не без выгоды для себя. Именно торговый обмен автор считал способом накопления значительных средств в руках социальных верхов, способствовавшим росту их власти над остальным населением.

Другая теория, оказавшая явное и сильное влияние на ученого, — это так называемая яфетическая теория, или «теория стадийного развития» академика Н.Я. Марра, разъяснению философии исторического процесса в трудах которого М.Г. Худяков посвятил особую статью (Худяков М.Г. 1935, с. 19-32). Налет яфетидологии, очень популярной в СССР вплоть до 1953 года, ощущается на всем творчестве М.Г. Худякова, в том числе и на объяснении многих явлений древней истории удмуртов.

«Историю вотского народа» объединяет с «Очерками по истории Казанского ханства» благородное стремление доказать, что удмурты, как и другие финно-угорские народы, являлись субъектом истории, а не коснели в дикости, как изображало их большинство историков, вплоть до А.Д. Иловайского и С.Ф. Платонова. Для этой цели автор мобилизует весь накопленный к тому времени материал. Одержимость в решении поставленной задачи приводит его к чрезмерному расширению ареала расселения удмуртов, которые, по его убеждению, занимали до великого переселения народов местности по обоим берегам Волги и по нижнему течению Камы и Вятки. Складывается впечатление, что М.Г. Худяков относит к предкам удмуртов все выявленные на этой территории археологические памятники энеолита и железного века. Оттеснение удмуртов к

северо-востоку он связывает с притоком чуваш, которых он рассматривает как самостоятельную народность, не имеющую отношения к булгарам. Миграция на северо-восток усилилась «с вторжением булгар — предков современных казанских татар». Таким образом, ученый был далек от теории булгаро-чувашского родства, развенчанию этой концепции он посвятил значительную часть главы 4 «Ранне-болгарский и средне-болгарский периоды» в «Очерках по экономической истории Среднего Поволжья».

На более реальную почву исследование М.Г.Худякова опирается, начиная с эпохи чепецкой культуры. При анализе материальной и духовной культуры обитателей чепецких городищ исследователь широко использовал удмуртский героический эпос, воссозданию которого он отдал много сил. Часть вторая рукописи «Эпоха господства чужеземного капитала» повествует о периоде русской колонизации края. Любопытно, что в оценке этого процесса автор очень близок к теории «пассионарности» Л.Н. Гумилева. «...русские прочно утвердились в Верхнем Поволжье. Необычайно быстрый прирост населения, свойственный молодой расе, оставлял далеко за собой медленный прирост жителей в таких областях, которые были населены финскими народами с незапамятных времен в течение нескольких тысячелетий. Баланс энергии, запаса жизненных сил и приспособляемости складывался неблагоприятно для одряхлевшей финской расы», — отмечает он, объясняя темпы колонизации удмуртских земель (Худяков М.Г. История вятского народа. РНБ, отдел рукописей и редких книг, ф. 828, оп. 1, д. 6, л. 72-73). Картину взаимоотношений коренных жителей и пришлого населения он восстанавливает на основе самых разнообразных источников и при этом не оставляет в стороне глубокие изменения в психологии удмуртского народа, оказавшегося под двойным гнетом. Совершенно другой тон приобретает повествование М.Г. Худякова, когда он говорит о начавшемся возрождении удмуртского этноса, которое приобрело новые импульсы с созданием автономной области удмуртского народа.

Сфера научных интересов М.Г.Худякова в ленинградский период была очень обширной, но интерес к Поволжью и Прикамью не оставлял его. Собирая материалы в музеях Поволжья и Приуралья, работая с коллекциями Академии материальной культуры, Эрмитажа, Исторического музея в Москве и других научных учреждений, ученый принимал участие в работе многочисленных экспедиций, направлявшихся в районы Поволжья. В самом начале ленинградского периода он создает еще одну работу по истории удмуртов: «Общественный строй вотяков в VII — XIV сто-

летиях». Этот гораздо более зрелый и завершенный этюд, к сожалению, тоже не был опубликован.

Автор подчеркивает, что появление данной темы не было случайностью, он пришел к ней «после продолжительной работы над изучением экономической истории Среднего Поволжья с древнейших времен до русской колонизации». Импульсом к созданию статьи стал аспирантский семинар по марксистской теории истории, который действовал в Академии истории материальной культуры. Данная работа – это достаточно смелая попытка социологической интерпретации уже известного археологического, этнографического и фольклорного материала с позиций того же международного товарообмена как главной движущей силы экономического и социального прогресса. В статье в более завершенной форме излагаются наблюдения и выводы, которые были намечены в форме гипотез в предшествующем труде. Основной призмой, через которую М.Г.Худяков видит историю удмуртов, остается развитие торгового обмена, и выделяемые им периоды отличаются друг от друга главным образом сменой торговых партнеров. Более детально анализируется автором период, предшествовавший русской колонизации. «Предметы, найденные на городищах и селищах Чепецкого края, дают достаточный материал для характеристики как экономического быта, так и общественного строя вотяков в эпоху, предшествовавшую русской колонизации», – отмечает он (Худяков М.Г. Общественный строй вотяков в VII–XIV столетиях. РНБ, отдел рукописей и редких книг, ф. 828, оп.1, д.7, л. 23–24). Однако вывод о классовом расслоении этноса как о наиболее ярком явлении этой эпохи не выдерживает критики с позиций современной науки.

М.Г. Худяков приходит к справедливому выводу о натуральном характере крестьянского хозяйства в изучаемый им период. Но при этом к разряду покупных он относит все «железные изделия: ножи, топоры, сошники, наконечники стрел, не говоря уже о разных женских украшениях – перстнях, браслетах, ожерельях, серьгах, подвесках – необходимо было покупать на стороне, у богатых владельцев городищ». Таким образом, автор совершенно отрицает какое-либо развитие металлургического и кузнечного и уж тем более, ювелирного производства у удмуртов. Нет необходимости говорить о том, насколько серьезную корректировку этих выводов дали материалы последующих археологических разысканий, убедительно продемонстрировавшие существование у удмуртов высоко развитого металлургического производства и изготовление большинства ювелирных украшений на местной основе.

Среди жителей удмуртских городищ автор не видел ремесленников

и рядовых жителей, здесь, по его мнению, «обитал правящий слой, торговая знать, сосредотачивавшая в своих руках все богатства». Социальная дифференциация, по представлениям автора, происходила на основе эксплуатации родовыми вождями рядовых удмуртов - охотников, которые доставляли на городища в обязательном порядке продукты охоты в виде дани. Пушнина служила товаром для обмена с иноземными купцами, от которых «князья - продавцы» получали предметы роскоши и моды, излишки от которых, в свою очередь, опять распределяли среди окрестного населения не без выгоды для себя». Все это – несомненная дань теории «торгового капитализма» и результат своеобразной модернизации исторического процесса, когда термины, характерные для развитого капитализма, искусственно переносятся на характеристику отношений эпохи распада патриархально-родовых и генезиса классовых отношений. В то же время в статье немало тонких наблюдений, не утративших актуальности и доныне. Так, не только для читателей, но и для современных исследователей представляет несомненный интерес вывод М.Г. Худякова о том, что удмурты были объединены в целый ряд отдельных родовых княжеств, не связанных единой политической властью, но наметилась тенденция к формированию таких, более крупных политических объединений. «Несомненно, что сознание национального единства поддерживалось во всех вотяках общностью их экономической жизни, быта, языка, обычаев, преданий и культа. У вотяков существовало даже понятие об общенациональном объединении, обозначавшееся термином «эксей уλος», — заключает М. Г. Худяков повествование об эпохе, предшествовавшей русской колонизации. «Однако, — справедливо отмечает он, - классовое расслоение вотяков не успело дойти до конца. Феодализм, характерный для болгаро-татар того времени, не успел распространиться среди вотяков... Предел дальнейшей дифференциации населения положила русская колонизация, нарушившая естественное развитие хозяйственных и общественных процессов. Произошло обратное уравнивание классовых различий, и начавшаяся дифференциация вновь сменилась возвратом к натуральному хозяйству» (Худяков М.Г. РНБ, одел рукописей и редких книг, ф. 828, оп.1, д.7, л.45-47). Эти выводы автора были во многом подтверждены в работах современных исследователей истории удмуртского этноса. Остается глубоко сожалеть, что работы, написанные в 20-е годы, не были введены в широкий научный оборот и не стали достоянием читателя. Нет необходимости говорить, какое серьезное влияние они могли оказать на становление удмуртской историографии и более того – на процесс формирования самосознания удмуртского народа.

Следующий крупный блок исторических работ М. Г. Худякова связан с Мултанским процессом. Здесь, как и в предыдущем случае, мы имеем два варианта: пространную рукопись, ставшую базой для другой – более сжатой и гораздо более четко выстроенной статьи, предназначенной для публикации. Статья «Политическое значение Мултанского дела и его отголосков в настоящее время» была опубликована в журнале «Советская этнография» в самом начале 1932 года. Судя по концовке, она была завершена после поездки в Удмуртию в составе Нижегородской антирелигиозной экспедиции, в которой М.Г. Худяков возглавлял удмуртский отряд. Неопубликованная рукопись называлась «Новое в Мултанском деле». Сопоставление двух сохранившихся вариантов дает возможность проникнуть в творческую лабораторию ученого, проследить моменты внутренней и политической цензуры, влияние обстоятельств на расстановку акцентов в исследуемой теме. В отличие от других ученых, занимавшихся Мултанским процессом, М.Г. Худяков значительно шире взглянул на политическую и идейную подоплеку этого дела и его разбирательства, связав его с еврейским вопросом в России. В рукописи сохранилось свидетельство автора о том, что на непосредственную связь процесса с самым большим для второй половины XIX в. еврейским вопросом указал ему А.Ф. Кони при личной встрече, состоявшейся 4 апреля 1925 г.

В рукописи гораздо сильнее, нежели в опубликованной статье, звучит и мотив заинтересованности служителей церкви в обвинении мултанских удмуртов. «Победоносцев (обер-прокурор Синода) и Плеве (министр внутренних дел) стояли всецело за обвинение». Автор приводит воспоминания А.Ф. Кони о том, как после второй кассации Мултанского дела Плеве встретился с ним и заявил, что отменой обвинительного приговора Кони компрометирует православную церковь.

В опубликованном варианте более тщательно разработана политическая подоплека и история подготовки Мултанского процесса. М.Г. Худяков продемонстрировал, что корни этого дела уходят еще в период правления Николая I, «когда легенда о ритуальных убийствах была вынесена за пределы черты еврейской оседлости и стала блуждать повсеместно». В 1853 г. возникло ритуальное дело в Саратове, когда к следствию были привлечены не только евреи, но украинцы и немцы-колонисты, которым также приписывались обвинения в человеческих жертвоприношениях. Крайне возбужденная атмосфера вокруг Саратовского дела вызвала появление молвы о человеческих жертвоприношениях у марийцев, чуваш и удмуртов. Таким образом, исследователь убедительно доказывает, что возникновение дела о ритуальном убийстве, в котором обвиняемой сто-

роной стали удмурты, а не другой языческий этнос Поволжья, было делом случая и совпадения обстоятельств. То, что казалось невозможным по отношению к евреям, оказалось значительно более легким по отношению к другим «инородцам». Неоднократные попытки возбудить ритуальный процесс, подобный Мултанскому, оканчивались провалом, пока за подвернувшийся удобный случай не ухватился Раевский, который превосходно учел политическое значение созданного им дела. В рукописи М.Г. Худяков приводит свидетельство А.Н. Баранова о том, как уездные чиновники объясняли действия Раевского: «Создать и провести такое дело – ведь это прямо карьера. После такого дела шагнуть можно – ого-го-го! Виновных-то всякий упечет, а ты вот невиновных закатай, да еще по такому преступлению какого не бывает» (Худяков М.Г., 1932, с.52).

В опубликованном варианте статьи М.Г. Худяков подверг анализу и последующие выступления представителей обвинения и их сторонников с наветами на удмуртов, поддержанные черносотенной печатью. Кроме того, он обратил внимание на распространенность подобных слухов во время своего пребывания в Удмуртии в составе антирелигиозной экспедиции ИПИИ в 1931 г. «Слухи эти разжигают национальную рознь и уводят прочь от правильного проведения ленинской национальной политики», - обеспокоено писал он. Ученый полагал, что «контрреволюционные» слухи разжигаются классовыми врагами: кулацкими элементами и несознательной частью беспартийных советских служащих». Предполагалось, что ликвидация кулацких элементов и перевоспитание несознательных служащих в корне изменят ситуацию, но все оказалось куда сложнее, и слух, однажды запущенный и поддержанный официальным разбирательством, имеет способность возрождаться вновь и вновь в переломные моменты истории.

В концентрированном виде взгляды М.Г. Худякова на историю народностей Волго-Камья, сформировавшиеся к 30-м гг., отразились в его рецензиях на двухтомные «Очерки по истории коми» В.М. Подорова (1933 г.) и на главу 1 «Доклассовое общество в Удмуртии» учебника П.В. Кильдебекова и Ф.П. Макарова «История классовой борьбы в Удмуртии» (1933 г.). Особенно ярко эволюцию его взглядов на исторический процесс можно увидеть при сопоставлении двух последних рецензий с отзывом на книгу Н.В. Никольского «История мари (черемис)», написанную в 1921г. Для всех трех рецензий характерно очень критичное восприятие текстов коллег: основная часть рецензий посвящена суровой критике недостатков. Во всех рецензиях отразилось и расширенное понимание исторического источника, сложившееся у М.Г. Худякова еще в

начале творческого пути. Все авторы упрекаются в одностороннем подходе к истории с использованием лишь письменных источников, в игнорировании археологического, этнографического и фольклорного материала. Однако на этом сходство кончается. Рецензии, написанные в 30-е гг., несут на себе неизгладимую печать изменений политической обстановки в стране, начавшейся ожесточенной борьбы за марксистско-ленинский подход к истории, за чистоту рядов историков, «за бдительность на фронте исторической науки, против «лжемарксистских, механистических и прочих извращений». Они, как того и требовало время, чрезвычайно заострены политически, выдержаны в духе борьбы со всяческими «буржуазными» теориями, прежде всего — с великодержавным шовинизмом и буржуазным национализмом. Даже опечатка типа «арийцы» вместо «аринов» в передаче П.В. Кильдебекovým сведений Г.Ф. Миллера о группе населения в Сибири вызывает у рецензента опасения в оживлении расовых теорий и рекомендацию «тщательно разобрать всю эту путаницу, критически проработать взгляды буржуазных ученых и внести в этот вопрос надлежащую четкость». «Националистические построения» усматриваются во всем, не исключая стремления искать предков удмуртов в сообщениях Геродота, Страбона и Г.Ф. Миллера, в попытках Г.Е. Верещагина связать происхождение удмуртов с Индией. Для рецензента все это — поиски «великих мифических предков, пранародов» («прародины») и т.п., в которых «национал-демократы опираются на буржуазные учения — расовую, миграционную, теорию заимствований» (Худяков М.Г., 1935, с.153-155). Не меньший грех, с точки зрения М.Г.Худякова, проявил В.М. Подоров, оставшийся «последовательным единоличником» и взявшийся за решение задачи, явно непосильной без объединения усилий коллектива исследователей. «Перед нами работа типичного одностороннего историка, владеющего лишь одной категорией источников и умеющего работать только над ней», — пишет он о работе Подорова, обвиняя последнего в беспомощности в теоретическом плане, недостаточном знании работ классиков марксизма, отсутствии конкретного материала для освещения многих разделов истории коми (Худяков М.Г., 1934, с.128-130) В то же время в рецензиях содержится много рациональных рекомендаций, прежде всего в той части, которая касается археологии и этнографии и особенно проблем этногенеза коми и удмуртов, освещения процессов колонизации территории расселения мари и т.д.

Заключая все сказанное, необходимо подчеркнуть, что М.Г. Худяков был сыном своего времени, историком-романтиком, уверовавшим в возможность осуществления светлых идеалов, подлинного равенства и брат-

ства людей и народов в России. Всю силу этой страстной веры он вложил в работы, в том числе в труды по истории Вятско-Камского края. Ради осуществления идеалов он не щадил ни себя, ни коллег и в конечном счете отдал за них жизнь. Огромное и разноплановое творческое наследие М.Г. Худякова было предано забвению, многие работы остались в рукописях, последние оказались и остаются разбросанными в разных архивах страны и зарубежья. Основная часть арестованного вместе с ученым рукописного наследия была возвращена в 1939 г. из Петропавловской крепости в Отдел рукописей библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Часть рукописей, преимущественно студенческих работ, осталась в Государственном архиве Кировской области, в фонде Вятской ученой архивной комиссии, некоторые рукописи хранятся в Малмыжском музее местной истории, отдельные работы сосредоточены в архиве Института истории материальной культуры. Рукописи ряда крупных трудов ученого, в частности, «Очерки по экономической истории Среднего Поволжья» хранятся в архиве Тальгрена, в Музейном ведомстве Финляндии, здесь же имеются материалы его переписки с зарубежными учеными. Абсолютное большинство опубликованных работ М.Г. Худякова разбросано в многочисленных журналах и сборниках, которые давно стали библиографической редкостью из-за небольшого тиража и давности издания.

Изучение творчества М. Г. Худякова, публикация его неизданных и переиздание ряда его трудов, вышедших в свое время небольшими тиражами, еще только начинается. Ускорить всемерно этот процесс – наш долг перед светлой памятью Человека и Ученого, успевшего сделать невероятно много за столь короткую жизнь.

Литература:

1. Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001 – 216 с.
2. Атаманов М.Г. Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С.81-127.
3. Кузьминых С. В., Старостин П. Н. Ленинградские годы в жизненном и творческом пути М. Г. Худякова // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. С-Пб., 1995. С. 157-172.
4. Худяков М.Г. Рецензия на П.В. Кильдебек. Доклассовое общество в Удмуртии. – Глава 1 книги: П.В. Кильдебек, Ф.П. Макаров «История классовой борьбы в Удмуртии». Ижевск, 1933 // Советская этнография. 1935. № 1. С. 152-156.

5. Худяков М.Г. Рецензия на книгу: В.М. Подоров. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т. – II. // Советская этнография. 1934. № 3. С. 127-131.

6. Худяков М.Г. Рецензия на книгу Н.В. Никольский. История мари (черемис). Казань, 1920. Вып. II Вестник просвещения ТССР. Казань, 1921, № 2, С. 50-52.

7. Худяков М.Г. Графические схемы исторического процесса в трудах Н.Я. Мара // Советская этнография. 1935. № 1. С. 19-42.

8. Krasnowa T., Shklyaeu A. The History of the udmurts in the unpublished manuscripts of M. G. Khudykow // Historia fenno – ugrica 11. Congressus primus historiale fenno- ugricae / Oulu, 1996. S. 621-622.

Казанские годы в жизненном и творческом пути М. Г. Худякова

С. В. Кузьминых,
к.и.н., старший научный сотрудник
Института археологии РАН, г. Москва

Десять лет тому назад, к 100-летию со дня рождения Михаила Георгиевича Худякова, я не решился опубликовать очерк о его жизненном и творческом пути, который вынашивал еще в годы учебы в Казанском университете. Слишком много недосказанного и противоречивого крылось в собранных материалах и документах, необычайно сложной и многогранной представлялась мне его личность. Ясно было одно, что масштаб фигуры и личности Худякова явно несоизмерим с тем местом в отечественной историографии, которое ему отводилось, что его имя по праву должно быть в ряду выдающихся исследователей древней и средневековой истории и культуры народов Среднего Поволжья и Приуралья.

В последние десятилетия труды М.Г.Худякова возвращаются к читателю, его научное творчество становится все более востребованным. Переопубликован ряд исторических сочинений, прежде всего, “Очерки по истории Казанского ханства”, извлекаются из архивных фондов рукописи, долгие годы бывшие в забвении, вышел ряд работ о самом Худякове. Все это, однако, только начало большой и кропотливой деятельности по введению в научный оборот творческого наследия ученого. На этом пути нас ждет немало трудностей.